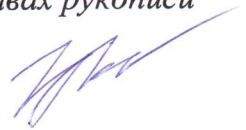

На правах рукописи

Кораблина Татьяна Ивановна

**Модусная категория «воспоминание»:
семантический и текстоцентрический
аспекты**

Специальность 10.02.01 – русский язык
(филологические науки)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Новосибирск 2018

Работа выполнена на кафедре современного русского языка и методики его преподавания федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Новосибирский государственный педагогический университет».

Научный руководитель:

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры современного русского языка и методики его преподавания ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет»

Перфильева Наталия Петровна.

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена»

Дымарский Михаил Яковлевич.

доктор филологических наук, профессор, декан филологического факультета ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет»

Демешкина Татьяна Алексеевна.

Ведущая организация:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Дальневосточный федеральный университет»

Защита состоится 20 декабря 2018 года в 13 часов 30 минут на заседании диссертационного совета Д 212.172.03, созданного на базе ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет», по адресу: 630126, г. Новосибирск, ул. Виллойская, 28, ауд. 202.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Новосибирского государственного педагогического университета и на сайте ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет» <https://www.nspu.ru>.

Автореферат разослан «___» _____ 2018 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук

Булыгина
Елена Юрьевна

Общая характеристика работы

Реферируемая работа, выполненная на стыке семантического синтаксиса и лингвистики текста, посвящена мало изученной модусной категории «воспоминание» в семантическом и текстоцентрическом аспектах.

В современных гуманитарных исследованиях проблема самопознания человека, в том числе и вопрос выражения внутреннего **Я** в языке, остаются недостаточно изученным. Поскольку любое высказывание содержит в себе отпечаток личности Говорящего, то обращение Говорящего к своему прошлому, вербальное воплощение собственного опыта представляет интерес.

Объект настоящего исследования – высказывания и текстовые фрагменты с показателями модусной категории «воспоминание» (далее – МК «воспоминание»), например: 1) *Когда уходила жена, **помню**, выл и прыгал на стены* (Слава Сэ); 2) ***Помнится**, когда-то очень давно я слышал даже легенду на эту тему* (А. Чехов); 3) *Но то, как моя бабка Рахиль «представляла» – отлично **помню** с младенчества* (Д. Рубина); 4) *Я остро в такой момент **вспоминаю** свою радость, **вспоминаю** счастливые глаза моей жены Лены* (Е. Гришковец). **Предметом** исследования является семантика и языковые средства выражения данной МК в аспекте взаимодействия ее с другими модусными категориями, а также в аспекте организации пространства художественного текста.

Актуальность данной работы обусловлена, во-первых, ее включенностью в контекст современных исследований, ориентированных на разработку идеи субъективного в языке (Э. Бенвенист, Ш. Балли), в частности, теории модуса, а именно дискуссионностью в современной лингвистике вопроса о количестве и составе модусных категорий (см. работы В. А. Белошапковой, Н. Д. Арутюновой, Г. А. Золотовой, М. В. Всеволодовой, Т. В. Шмелевой, Н. К. Рябцевой, Е. В. Падучевой, М. А. Дмитриевской, Е. М. Вольф, Т. И. Стексовой, Т. А. Трипольской, Н. П. Перфильевой, Т. А. Демешкиной, О. А. Кобриной, С. В. Гричина, Л. Н. Голайденко и др.), также обращенностью к таким проблемам семантического синтаксиса, как разграничение / взаимодействие модусных категорий, диктума и модуса.

Во-вторых, представление информации, хранящейся в памяти, последние десятилетия в различных гуманитарных науках является объектом или материалом исследования. В лингвистике большинство работ, связанных с изучением памяти, посвящено концепту **память** (Е. С. Кубрякова, М. А. Дмитриевская, В. В. Туровский, С. М. Карпенко, Л. С. Муфозалова, А. Е. Шапиро, О. В. Шаталова, С. Г. Шулежкова и др.), воспоминанию под углом зрения теории речевых жанров (Л. Г. Гынгазова, Я. В. Мызникова, Е. Ф. Дмитриева, О. П. Кормазина, Л. М. Ньюбина, Т. П. Сухотерина, Г. М. Ярмаркина, и др.). Часто мемуарный текст является материалом исследования по когнитивной лингвистике, прагматике, гендерной лингвистике, теории текста (И. И. Бакланова, Л. М. Бондарева, Е. Н. Брызгалова, Н. В. Вязигина, Е. И. Голубева, Т. И. Голубева, И. Г. Жирова, М. А. Лаппо, Н. А. Левковская и др.).

Однако воспоминание в аспекте семантического синтаксиса осталось недоосмысленным (Е. В. Падучева, Н. К. Рябцева, Н. П. Перфильева): не описана специфика языковых средств выражения МК «воспоминание», не обоснован ее статус как модусной категории под углом зрения ее взаимодействия с другими модусными категориями, как общепризнанными, так и дискуссионными («восприятие», ментальный модус).

И, наконец, актуальность данного исследования определяется тексто- и антропоцентрическим подходом к особенностям функционирования средств выражения МК «воспоминание» в плане их участия в текстообразовании: осуществления роли модусного ключа в организации текста/текстового фрагмента, обеспечения текстовых категорий.

Цель настоящей работы состоит в обосновании статуса «воспоминания» как модусной категории на фоне других модусных категорий и в исследовании функционирования ее показателей в художественном тексте.

Для достижения данной цели необходимо решить следующие **задачи**:

- 1) уточнить определение модусной категории «воспоминание»;
- 2) определить место МК «воспоминание» в модусной организации высказывания, выделив ядерную и периферийную зону средств выражения данной МК в художественном тексте;
- 3) выявить и обосновать типы взаимодействия «воспоминания» и других модусных категорий в художественных текстах;
- 4) определить функции показателей МК «воспоминание»;
- 5) определить механизм действия модусного ключа «воспоминание» в реализации значения исследуемой МК и в обеспечении формальной и семантической связности текста;
- 6) сформулировать понятие “модусной рамки «воспоминание»” и выявить инвариант ее реализации в художественном тексте;
- 7) сопоставить художественные тексты Д. Рубиной и Е. Гришкова в плане воплощения инварианта модусной рамки «воспоминание» в зависимости от авторской манеры.

Теоретической базой исследования послужили труды отечественных и зарубежных лингвистов по семантическому синтаксису (Ш. Балли, А. Вежбицкой, В. А. Белошапковой, В. Г. Гака, Н. Д. Арутюновой, Т. В. Шмелевой, М. В. Всеволодовой, Г. А. Золотовой, Т. А. Демешкиной, М. Я. Дымарского, Е. В. Падучевой, Н. К. Рябцевой, Н. П. Перфильевой, Г. Я. Солганика, Т. И. Стексовой, И. А. Нагорного, Е. С. Яковлевой), лингвистике текста (М. М. Бахтин, И. Р. Гальперин, С. Г. Ильенко, М. Я. Дымарский, Т. А. ван Дейк, И. А. Мартынова, Л. Н. Мурзин), функциональной грамматике (А. В. Бондарко, Е. И. Беляева, Т. В. Булыгина, Ю. А. Пупынин, С. Р. Омельченко), лексической семантике (Ю. Д. Апресян, И. В. Арнольд), когнитивной лингвистике (Б. М. Гаспаров, С. Д. Кацнельсон, Е. С. Кубрякова, М. А. Дмитриевская, У. Л. Чейф, А. Д. Шмелев, Г. В. Колшанский, Л. В. Сахарный).

Эмпирической базой исследования является выборка преимущественно с эксплицитными показателями этой модусной категории объемом более семисот текстовых фрагментов различной протяженности из материалов Национального корпуса русского языка (НКРЯ), из произведений Д. Рубиной (романы «На солнечной стороны улицы», «Синдром Петрушки», рассказы «Коксинель», «Камера наезжает!..», «Один интеллигент уселся на дороге», «Яблоки из сада Шлицбутера», «Школа света»), Е. Гришковца (повесть «Реки», цикл рассказов «Следы на мне»). Были также использованы текстовые фрагменты из произведений Г. Газданова, Ф. Искандера, С. Довлатова, Б. Садовского, В. Кондратьева, В. Каверина, И. Тургенева, Ф. Достоевского, Л. Толстого, И. Бунина, А. Куприна, А. Чехова.

Методы исследования. В работе применяются традиционные лингвистические методы исследования (наблюдения, описательно-аналитический, контрастивный), а также приемы дефиниционного, дистрибутивного, компонентного анализа, трансформационного и математико-статистического методов.

Положения, выносимые на защиту

1. «Воспоминание» как модусная категория обозначает языковыми средствами одну из ментальных операций Говорящего, которая представляет собой его обращение к событиям, свидетелем которых он был в прошлом, а также допускает возможность маркирования внимания адресата на степени погрешности в точности воспроизведения информации, в ее адекватности произошедшим ранее событиям.

2. Семантику исследуемой МК обуславливает ее взаимодействие с модусными категориями как актуализационными (персональность, темпоральность), так и квалификативными (авторизация, достоверность, эвиденциальность, ментальный модус и восприятие). Отчетливо выделяются три типа взаимодействия «воспоминания» с обязательными и необязательными модусными категориями: а) наложение друг на друга (или **спаянность**) «воспоминания» и субъективных смыслов авторизация, персональность, темпоральность, достоверность, а иногда восприятие, ментальный модус; б) **включение** одного субъективного смысла («воспоминание») в другой (эвиденциальность); в) взаимодействие показателей на синтагматическом уровне, или **линейная цепочка**, показателей МК «воспоминание» и авторизации / достоверности / восприятия).

3. «Воспоминание» – это необязательная модусная категория, потому что свойственна не любому высказыванию и эксплицируется грамматическими и лексическими показателями, в репертуаре которых выделяются две зоны: ядерная (содержащая основные лексемы со значением «хранение информации в памяти», выполняющие функцию вводных единиц) и периферийная. Периферийные средства выражения МК «воспоминание» отражают процессы взаимодействия а) модуса и диктума (модус-диктумные конструкции с ментальными предикатами, а также другие лексические показатели, в том числе метафоры со значением «хранение информации в памяти»; фразеологизованные конструкции); б) «воспоминания» и различных модусных категорий (синкретичные лексические показатели, имеющие эксплицитную

семантику темпоральности / восприятия / ментального модуса и контекстуальную семантику 'воспоминание').

4. Показатели МК «воспоминание» могут выполнять в художественном тексте различные функции: семантическую (экспликация семантики модусной категории), прагматическую функцию (актуализации семантики «воспоминание»), текстообразующую (экспликация формальной и семантической связности и целостности текста/текстового фрагмента; функция модусного ключа), композиционную (влияние на композиционный рисунок текста/текстового фрагмента, обеспечение разных типов композиции).

5. Модусное значение категории «воспоминание» в тексте (текстовом фрагменте) воплощается при помощи модусного ключа и модусной рамки «воспоминание», которая, помимо модусного ключа «воспоминание», может включать показатели исследуемой МК (поддерживающие заданную модусным ключом семантику и организующие текстовое пространство внутри модусной рамки) и показатель выхода из воспоминаний (вербальный или невербальный) и которая может быть представлена в тексте в виде инварианта или вариантов, в зависимости а) от полной или неполной реализации инварианта, б) антропоцентрического фактора. При неполной реализации данного инварианта возможна незамещенная позиция или модусного ключа, или других показателей исследуемой модусной категории, или показателя выхода из рамки.

6. Реализация инварианта модусной рамки «воспоминание» обуславливает разные типы композиции текста (текстового фрагмента), предъявляющего воспоминания Говорящего: а) модусный ключ организует композицию «рассказ в рассказе», если воспоминания Говорящего составляют содержание всего произведения; б) модусный ключ, соединяя разные по протяженности фрагменты-воспоминания, обеспечивает радиальную композицию текста; в) «нагнетание» показателей МК «воспоминание», даже при отсутствии модусного ключа, создает каркас для текста / текстового фрагмента; г) возможна мозаичность линейно расположенных фрагментов-воспоминаний (часто нарушающих хронологическую последовательность).

7. Предпочтения в выборе способов реализации инварианта модусной рамки «воспоминание» зависят от индивидуальной авторской манеры повествования. При сопоставлении художественных текстов современных авторов Д. Рубиной и Е. Гришковца, различающихся и стилем, и поэтикой, выявилось сходства (наличие модусной рамки «воспоминание»; радиальный тип композиции текстового фрагмента с этой модусной рамкой; имплицитное указание темпорального модусного ключа на воспоминания персонажа) и различия (частота введения модусного ключа «воспоминание» и сфера его действия; средства выражения модусного ключа; актуализация различных МК).

Научная новизна работы состоит в 1) обосновании статуса «воспоминания» как модусной категории, в выявлении специализированных средств ее выражения и области взаимодействия с актуализационными (персональность, темпоральность) и

квалификативными (достоверность, эвиденциальность, ментальный модус, «восприятие») модусными категориями;

2) в определении типов взаимодействия МК «воспоминание» с актуализационными и квалификативными модусными категориями (а) спаянность нескольких субъективных смыслов; б) включение одного субъективного смысла в другой; в) линейная цепочка.

3) в описании с позиции полевой грамматики средств выражения модусной категории «воспоминание»;

4) в выявлении широкого спектра функций показателей «воспоминания» в художественном тексте; в введении понятий модусного ключа и модусной рамки «воспоминание»; в исследовании представления ее инварианта и вариантов, которые могут способствовать характеристике идеостиля писателя.

Теоретическая значимость работы определяется тем, что обращение к малоисследованной модусной категории «воспоминание» вносит вклад в теорию семантического синтаксиса, восполняя лакуны в области изучения «сотрудничества» модусных категорий между собой. Введение понятий «модусного ключа “воспоминание”», «инварианта модусной рамки “воспоминание”», а также исследование представления инварианта и вариантов модусной рамки «воспоминание» в современных художественных текстах обогащает теорию текста.

Практическая ценность полученных результатов настоящего исследования состоит в возможности использования их в курсах филологического анализа текста в школе и в вузе и спецкурсов по семантическому синтаксису, лингвистике текста в вузе, а также в практической лексикографии.

Апробация работы. Основные результаты исследования прошли апробацию 1) на конференциях молодых ученых «Проблемы интерпретации в лингвистике и литературоведении» (Новосибирск, 2012, 2013, 2014, 2015); 2) на Международных конференциях «Филологические чтения» (Новосибирск, 2012, 2013, 2014, 2015); 3) на V Международном конгрессе исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность» (Москва, 2014); 4) на Всероссийской научной конференции «Слово. Словарь. Словесность: Динамические процессы в языке, речи и словаре (к 50-летию издания академического «Словаря современного русского литературного языка»)» (Санкт-Петербург, 2015).

Объем и структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы, списка словарей и списка источников.

Содержание работы

Во введении обоснована актуальность темы исследования, сформулированы объект, предмет, цели и задачи исследования, положения, выносимые на защиту, описана методика исследования, определена научная новизна работы, ее теоретическая и практическая значимость.

Первая глава «**“Воспоминание” в системе модусных категорий**» посвящена обоснованию статуса «воспоминания», как МК, области ее взаимодействия с актуали-

зационными и квалификативными МК, систематизации языковых средств ее выражения на основе полевой грамматики.

Анализируя понятие модуса в классических и современных исследованиях (Ш. Балли, В. Г. Гака, Г. Я. Солганика, Н. К. Рябцевой и др.) и рассматривая модус в русле работ В. А. Белошапковой и Т. В. Шмелевой, мы трактуем его как комплекс обязательных и необязательных семантических категорий в семантической структуре высказывания, с помощью которых Говорящий выражает свое отношение к описываемой ситуации (или событию), к информации о них, к Адресату, к высказыванию как речевому произведению, а также к собственному речевому поведению.

На наш взгляд, сложность описываемого объекта и разнообразие грамматических концепций исследователей ведет к исследовательским лакунам в теории модуса, неравномерной изученности МК, к варьированию набора МК в работах разных авторов. Например, выделяют модус важности, воспоминания, ментальный модус, невольности, ожидания, осторожности, согласия, отрицания, странности, надежды (Т. А. Трипольская, Е. В. Падучева, Н. К. Рябцева, Т. И. Стексова, Е. М. Вольф, И. П. Матханова, Н. П. Перфильева, Н. Н. Болдырев, Ма Цзиньпин и др.).

В круг этих категорий вводится новая МК – «воспоминание».

Термин *модус «воспоминание»* вводит Е. В. Падучева. Она, анализируя художественный текст, обращает внимание на такую особенность данного модуса, как связь с «отступом назад во времени», а также соотносит модус «воспоминание» с модусом «знания»: модус «воспоминание» позволяет «оправдать “переключение внимания” своего воспринимаателя на какой-то участок его области знаний» [Падучева, 1996. С. 399].

МК «воспоминание» мы, вслед за Н. П. Перфильевой (которая сделала первую попытку дать определение этому понятию), рассматриваем как необязательную¹. Она обозначает одну из ментальных операций Говорящего, которая представляет собой его обращение к событиям, свидетелем которых он был в прошлом, а также допускает возможность маркирования внимания адресата на степени погрешности в точности воспроизведения информации, в ее адекватности произошедшим ранее событиям.

Полевой подход к языковым средствам выражения исследуемой МК позволил выделить ядерную и периферийную зоны. В ядерную зону входят вводные слова *помню, помнится* и другие вводные единицы, образованные на их базе, поскольку данные показатели, выражая значение «хранение информации в памяти» и акцентируя на нем внимание адресата, указывают на субъективность интерпретации события. Вводные единицы могут представлять собой нераспространенные или распространенные предикативные единицы, построенные по моделям двусоставного предложения (1), односоставного определенно-личного предложения (2) и (3) и односоставного безличного предложения (4) и (5), например: 1) *Одну из них, я помню, звали Грета* (С. Довлатов); 2) *Мне тогда стало – помню – только скучно очень, и такая лень напала на меня* (М. Горький); 3) *Так вас как будто нет. Вы, насколько помню, сейчас*

---

¹Она может сопровождать далеко не каждую пропозицию, так как связана с «отступом назад во времени».

в мэри (С. Данилюк); 4) **Помнится**, тогда <...> уже несколько дней извозчики ездили на колесах (А. Чехов); 5) *Никакой священник, сколько помнится мне, в театр не поступал* <...> (М. Булгаков).

Называющие процесс сохранения информации в памяти вводные слова **помню** и **помнится** не являются семантическими вариантами, поскольку различаются семами 'произвольность' и 'непроизвольность' ментальной операции припоминания. Выбор в речи одного из них обусловлен коммуникативной задачей Говорящего: в одном случае подчеркивается намеренность предъявления воспоминаний, а в другом – его стихийность, невольность. Исследуемые ядерные показатели, в зависимости от позиции в предложении (интерпозиции, инициальной позиции и – довольно редко – постпозиции) актуализируют наиболее значимую для Говорящего информацию.

Вопрос о периферии средств выражения МК «воспоминание» связан с дифференциацией грамматических и лексических средств выражения и с двумя проблемами семантического синтаксиса (1) разграничение / взаимодействие диктума и модуса; 2) взаимодействие МК).

Проблеме разграничения диктума и модуса высказывания посвящены работы В. Г. Гака, который, ссылаясь на Ш. Балли, отмечает взаимную обусловленность (дополнительность) модуса и диктума в аспекте содержания и их возможное взаимопроникновение в аспекте выражения, доходящее в ряде случаев до полного синкретизма. О сложности разграничения диктума и модуса пишут Т. В. Шмелева, М. В. Всеволодова, отмечая, что модусное содержание может составить диктум предложения. По мнению Г. А. Золотовой, при совпадении точек зрения наблюдателя и Говорящего модус оказывается «растворенным» в компонентах модели, выражающей содержание диктума. Обычно вопрос о взаимодействии диктума и модуса обсуждается в связи с категориями авторизации и оценочности.

В настоящей диссертации вопрос о взаимодействии диктума и модуса высказывания рассматривается в связи с зоной ближней периферии языковых средств выражения модусной категории «воспоминание». К ней мы относим модус-диктумные конструкции с ментальными предикатами со значением «хранение информации в памяти» (лексема *помнить* (1) и ее дериваты (2), в том числе глагольно-именные обороты типа *хранить в памяти* (3), а также фразеологизованные конструкции (4), метафоры (5), выступающие в значении «помню, вспоминаю»), например: 1) **Помню** ещё один его рисунок: охотник, наклонившись набок, скачет на лошади: прямо перед ним две борзые насаждают на волка (Г. Газданов); 2) *Много ли таких дней помню я? Очень, очень мало, утро, которое **представляется** мне теперь, складывается из отрывочных, разновременных картин, мелькающих в моей памяти* (И. Бунин); 3) *Я к ней заходил раза два в день – всего, может быть, восемь раз, – но только последнее посещение отчетливо **запечатлелось** у меня в памяти* (В. Набоков); 4) *Ну, живёт же за таким вот типовым окном Гера, со всем земным шаром, который **застрыл в его памяти** у него в голове, и никак **из** этой головы и **памяти не вылетит**. Как сам Гера из моей* (Е. Гришковец); 5) *Боже мой, я уже с*

трудом собираю части прошлого, уже забываю соотношение и связь еще в памяти здравствующих предметов, которые вследствие этого и обрекаю на отмирание (В. Набоков). В этот же круг входят также антонимы *вспомнить* – лексема *забыть* и ее дериваты (в значении «сохранять, удерживать в памяти; сохраняться, удерживаться в памяти») часто в сочетании с частицей *не*. Так, в контексте *Ты Машу свою помни – другой такой подруги тебе не найти – и я тебя не забуду, сокола моего* (И. Тургенев) Говорящий с их помощью не только называет ментальную операцию припоминания, но акцентирует внимание на силе воспоминаний, высокой ценности и эмоциональной значимости событий прошлого.

Названные языковые средства, будучи ментальными предикатами, только в случае, когда субъект пропозиции – Говорящий, выступают как показатели МК «воспоминание». Такие примеры, хотя и в эмпирической базе исследования преобладают, тем не менее являются периферийными средствами выражения исследуемого модуса: ядерные средства выражения не содержат объекта воспоминаний.

Исследование взаимодействия МК «воспоминания» с другими МК (персональностью, темпоральностью, авторизацией, достоверностью, эвиденциальностью, восприятием и ментальным модусом) позволило а) выявить дальнюю периферию показателей исследуемой МК (которая представлена синкретичными языковыми средствами); б) выделить три типа взаимодействия МК; в) проследить обязательность / необязательность их взаимодействия.

I. Показатели «воспоминания» могут выражать сразу несколько модусных значений, что обусловлено синкретизмом семантики исследуемой МК. Подобный тип взаимодействия МК мы называем **наложением**, или **спаянностью**, и он свойственен отношениям «воспоминания» с персональностью, темпоральностью, авторизацией, достоверностью, восприятием и ментальным модусом.

II. В ряде случаев взаимодействие «воспоминания» с такими квалификативными категориями, как авторизация, достоверность, восприятие, проявляется эксплицитно в синтагматических отношениях показателей разных субъективных смыслов. Мы называем второй тип взаимодействия **линейная цепочка**.

III. Третий тип связан с «сотрудничеством» МК «воспоминание» и эвиденциальности. Поскольку эвиденциальность в семантическом плане шире (память – лишь один из источников информации), такой тип взаимодействия мы определяем как **включение** одного субъективного смысла в другой.

Как показал языковой материал, МК «воспоминание» всегда взаимодействует с актуализационными категориями и авторизацией.

«Сотрудничество» модусной категории «воспоминание» и авторизации обусловлено тем, что извлеченная из памяти информация в плане оппозиции «свой / чужой» квалифицируется Говорящим как «своя» (сема ‘говорящий’ называет носителя информации, хранящейся в памяти, т.е. обладателя предъявляемых воспоминаний). Говорящий, сообщая только о собственном опыте, регулярно эксплицитно смысл грамматическими конструкциями двусоставного предложения, где есть линейная цепочка ментального глагола и местоимения *я.*, например: 1) **Я, помню, даже**

испугаться не успел, а от возмущения чуть не задохнулся (А. Моторов); 2) *И тогда **я** припомнил <...> и деньги бумажные, огромные, как простыни <...> и то, как старушка увидела эти бумажные сувениры и подняла на меня всепонимающие глаза <...>* (М. Анчаров). Взаимодействие данных модальных категорий, если оно выражено только глаголами 1-го / 2-го лица, свидетельствует о таком типе взаимодействия МК «воспоминание» и авторизации, как спаянность, например: *Повторял от страха что-то бессвязное. Даже, **помню**, улыбался* (С. Довлатов).

Как видно из приведенных выше примеров, одновременно рассмотренные показатели исследуемой МК отражают воспоминания только Говорящего, т.е. взаимодействие «воспоминания» с актуализационной категорией персональность. Взаимодействие «воспоминания» и персональности наблюдается при употреблении ментальных глаголов с семантикой «хранение информации в памяти» в форме 2-го лица единственного / множественного числа. Она указывает на воспоминания группы людей – адресата и адресанта (*Я и в хоре пела всегда в альтах, во втором ряду. **Вы помните**, конечно, эти немолчные хоры на районных конкурсах школьных коллективов?* Д. Рубина). Говорящий часто побуждает адресата вспомнить что-то с помощью побудительных предложений, которые также содержат фоновые, общие для определенной группы людей воспоминания (*Чтобы понять природу счастья, – разреши мы сперва разберём природу сытости. **Вспомни** Лубянку или контрразведку. Вспомни ту реденькую полуводяную <...> ячневую или овсяную кашу!* А. Солженицын).

Значение «отступа назад во времени» (термин Е. В. Падучевой) является общей семантической областью «воспоминания» и темпоральности, базой для взаимодействия. Оно проявляется на грамматическом и лексическом уровнях. Ядерные показатели являются формами настоящего времени, но лексически ориентированы в прошлое («отступ назад во времени»). Ментальные предикаты часто выражены формами настоящего, прошедшего времени. Встречаются лексические показатели темпоральности: наречия (*тогда, когда-то, раньше, по-прежнему, никогда, навсегда*), обстоятельства времени (*в ранней юности, в детстве, в свое время, в младших классах* и др.). Они относятся к зоне дальней периферии средств выражения МК «воспоминание», потому что эксплицитно выражена временная семантика, а имплицитно – сема «воспоминание» (что отражает спаянность данных субъективных смыслов), например: 1) *Тогда я подумал, что причиной всему была моя хромота, хотя она почти уже не замечалась, моё будто когтями исцарапанное лицо* (В. Астафьев. Обертон); 2) *Ощущение брэнности, растущей непрочности его пребывания среди нас встревожило меня, пожалуй, **впервые*** (Д. Гранин). Такие средства выражения эксплицируют в художественном тексте вектор ретроспекции, поскольку прямо (*тогда*) или имплицитно (*впервые* – «в первый раз»; *первый* – «первоначальный, самый ранний») обозначают то, что события произошли до «момента речи».

Взаимодействие МК «воспоминание» и достоверности обусловлено свойством памяти: одна из составляющих семантики «воспоминание» – указание на возможную недостоверность предъявления извлеченной из памяти информации.

Нам встретилось два типа взаимодействия «воспоминания» и достоверности: 1) спаянность; 2) линейная цепочка. Первый тип взаимодействия наблюдается при выражении МК «воспоминание» ядерными показателями и другими средствами, которые не имеют распространителей (*помню, помнится, вспоминаю, припоминается* и др.): в этом случае семантика «неуверенность в сообщаемом» имплицитна.

Второй тип взаимодействия (линейная цепочка) выражен: а) распространенными вводными единицами; б) сочетанием ментальных глаголов (*помнить, вспомнить, припомнить* и др.) с наречиями (*хорошо, ясно, точно, отлично, прекрасно, отчетливо, страшно, еще, смутно, трудно* и т.д.); в) выражениями *до сих пор помню, запомнила на всю жизнь, как вчера помню, как щас помню*, например: а) *Сколько я помню, у няни была хорошая кровать, груды подушек, пестрое одеяло <...> одета она была в ситцевое платье <...> и белый передник* (Н. Лухманова); б) *Одного, рыжего верзилу, отчетливо помню, потому что ревновал его к Наташе <...>* (Э. Лимонов); в) *Одного я не помню, словно его и не бывало. Второго запомнила на всю жизнь. Это самый страшный человек, какого я когда-либо видела* (Л. Чуковская).

В этом случае показатели МК «воспоминание» называют саму ментальную операцию, а распространители содержат оценку Говорящим степени точности воспроизводимой памятью информации – от оценки ее значимости, актуализации высокой точности воспроизведения событий до забвения (от *очень хорошо помню* до *не помню*). Как показал материал, Говорящий чаще всего маркирует в речи неточные или утраченные воспоминания. С точки зрения оценки значимости припоминаемого особое место занимает конструкция *не могу забыть* (*Нет в живых бабушки, нет и бабушки, да и моя жизнь клонится к закату, а я все не могу забыть бабушкиного пряника – того дивного коня с розовой гривой*. В. Астафьев).

Поскольку память, восприятие и мышление – ментальные процессы, наблюдается взаимодействие МК «воспоминание» с восприятием и ментальным модусом. В настоящей работе ментальный вслед за Н. П. Перфильевой трактуется как МК, которую мы определяем как рефлексию Говорящего относительно ментальных операций. «След» взаимодействия «воспоминания» и ментального модуса (тип – спаянность) отражен не только в специфике лексического значения и в этимологических особенностях ментальных глаголов *помнить, вспомнить, забыть*, но и в их способности выступать в определенном контексте в качестве периферийных средств выражения ментального модуса. Они могут употребляться как синонимы ментальных глаголов *думать, знать*. Ср.: *Я вполне отдавал себе отчет, что со мной случилось, но я старался не вспоминать этого паршивого образа, уложившего меня на Тверском бульваре* (А. Лосев) – *Я вполне отдавал себе отчет, что со мной случилось, но я старался не думать об этом паршивом образе, уложившем меня на Тверском бульваре*.

Однако при трансформации – замена показателей МК «воспоминание» (*помнить, вспомнить, забыть*) на языковые средства ментального модуса (*думать,*

знать) – наблюдается семантический сдвиг, связанный с утратой компонента семантики ‘степень значимости для Говорящего предъявляемой информации’

Исследование вопроса об отношениях МК «воспоминание» и восприятия открывает новые стороны взаимодействия диктума и модуса высказывания. Смысл «восприятие», как известно, не только может быть пропозицией, но отражает сферу субъективного. В настоящей работе рассматривалось взаимодействие показателей МК «воспоминание» и «восприятие». Часто встречается тип взаимодействия МК линейная цепочка: ментальная лексика со значением «хранение информации в памяти» сочетается со словами, маркирующими ситуацию восприятия, например: *Я вспоминал холод и влажность ее губ, зубы, блеснувшие во мгле, ее голос, и как она прижалась ко мне, и от счастья становилось тесно в груди* (Е. Гагарин). Нередко на взаимодействие «воспоминания» и «восприятия» имплицитно указывает сочетание маркеров темпоральности (наречий *до сих пор, по сей день, теперь* и др.), составляющих дальнюю периферию языковых средств выражения МК «воспоминание», с показателями «восприятия», например: *Миша погиб на фронте в первый год войны, но у меня до сих пор звучит в ушах его мягкий, слегка пришепывающий голос, наливавшийся неожиданной мощью, когда он изображал своих любимых героев* <... > (А. Крон).

С другой стороны, встречается синкретизм некоторых показателей «восприятия», если они выражают эксплицитно семантику собственно восприятия, а имплицитно – сему «хранение информации в памяти» в определенных контекстуальных условиях. Например, в контексте: *Интересно <...> его нет, а я вижу и слышу его как живого. Кто тут постарался – Витя или моя память? Видит ли кто-нибудь так же хорошо, скажем, меня?* (В. Распутин) лексемы *вижу* («воспроизвожу сохранившийся в памяти визуальный образ») и *слышу* («воспроизвожу сохранившиеся в памяти слова, интонации и т.д., присущие этому образу») можно интерпретировать как языковые средства выражения дальней периферии МК «воспоминание».

Большинство контекстов, отражающих воспоминание ситуации восприятия, связаны с оценкой воспроизводимого памятью. Следовательно, Говорящему важно не само ощущение как итог восприятия, а возможность его аксиологической оценки.

Тесно связана с МК «воспоминание» и «восприятие» эвиденциальность. Значение МК «воспоминание» пересекается с семантикой эвиденциальности, указывающей на источник информации. Особенность отношений этих МК состоит в том, что показатели МК «воспоминание» не только обозначают факт сохранения и воспроизведения в памяти информации, но и указывают на память как один из источников засвидетельствованности, например: *Помню дом мой, помню холод мраморной ванны и кольца мои и учителя моего Юлия Эврикла* (К. Вагинов).

Анализ воспоминаний Говорящего в аспекте прямой и косвенной эвиденциальности приводят к выводу, что высказывания, включающие эксплицитные языковые средства МК «воспоминание», передают значение чаще «хозяина информации», но источником является не непосредственное наблюдение, а память, которая может выборочно воспроизводить какое-либо событие.

Особенность взаимодействия МК «воспоминание» и эвиденциальности обусловлена тем, что эвиденциальность в семантическом плане шире: память – лишь один из источников информации. Такой тип взаимодействия мы определяем как **включение** одного субъективного смысла в другой.

Как показало исследование, высказывание очень часто может содержать целый комплекс тесно взаимосвязанных субъективных смыслов, что является отражением сложного рисунка внутреннего «Я» Говорящего.

Во второй главе «Текстообразующая функция модусной категории ”воспоминание”» а) вводится понятие «модусный ключ “воспоминание”» и исследуется роль этого модусного ключа в организации текста; б) выявляются функции показателей исследуемой МК в художественном тексте; в) определяется инвариант модусной рамки «воспоминание» и рассматриваются варианты его реализации в художественном тексте; в) сопоставляются способы репрезентации семантики «воспоминание» в художественной прозе Д. Рубиной и Е. Гришковца.

Мысль о возможности эксплицировать определенное значение с помощью отдельного показателя во фрагменте текста в целом принадлежит А. В. Бондарко (в частности, рассматривался «темпоральный ключ»). Вслед за А. В. Бондарко понятие «модусный ключ» Т. В. Шмелева связывает с актуализационными категориями и отмечает необязательность дополнительных показателей актуализации в случае действия в тексте актуализационного ключа, который выражен особыми высказываниями.

Опираясь на названные исследования, мы определяем **модусный ключ** как функцию показателя (протяженностью от слова до самостоятельного предложения) определенной модусной категории, суть которой состоит в распространении определенного модусного значения на текстовый фрагмент различной протяженности. Модусный ключ (в данной работе «воспоминание») располагается в начале текста или текстового фрагмента, например: *Помню только, как-то раскрыл глаза и не понял ничего: лицо словно ватой обложено. А это пошел мокрый снег. Снежинки на губы падали, и я их слизывал, потому как внутри все горело. И такая мука, такая жажда!.. А потом приморозило. Хотел двинуть рукой – черта с два. Не двигается. И зад не двигается. Бушлат-то примерз, все от крови там смерзлось. Вот и лежу. Хочу крикнуть и не могу. Нет голоса. Нет крика. И не могу понять, что случилось и где я <...>* (В. Быков).

Радиус действия (термин С. Г. Ильенко) модусного ключа «воспоминание» может быть разным: значение «хранение информации в памяти» может быть задано или для небольшого текстового фрагмента, или для целой главы одного произведения, или целого произведения.

Модусный ключ «воспоминание» чаще всего выражается ментальными глаголами *помню, помнится* и их дериватами, которые составляют ближнюю периферию средств выражения исследуемой МК, а также разнообразными синкретичными лексическими показателями со значением «отступа назад во времени». Поэтому нередко значение «воспоминание» имплицитно передается темпоральным ключом

(в чем проявляется синкретизм его семантики), а модусный ключ «воспоминание» в силу синкретичности семантики «воспоминания» часто взаимодействует с темпоральным ключом. Это позволяет не просто обращаться к событиям прошлого, но и фиксировать их на конкретном временном отрезке относительно момента речи, например: *Из раннего моего детства я запомнил всего лишь одно событие. Мне было три года; мои родители вернулись на некоторое время в Петербург <...> Они остановились у бабушки, в большом ее доме <...>* (Г. Газданов). Обозначенную в тексте модусным ключом отнесенность событий к прошлому показатели исследуемой МК (*помню, как теперь вижу* и др.) и маркеры темпоральности (*никогда, ни прежде, ни после* и др.) закрепляют часто.

Одновременно со значением исследуемой МК для всего текста задается и значение достоверности, которое актуализируется в тексте, если модусный ключ выражается сочетанием показателей «воспоминание» и достоверности (*О, как ясно вспоминается мне тот яркий, пролазуренный небом день, когда мы оба <...> взглянули... разумеется, не в окно, а друг на друга. Тут-то и появился третий <...> Потом он снова мелькнул и скрылся <...> он был похож на удачливого администратора, хлопчущего и суетящегося по чужим делам.* С. Кржижановский).

Модусный ключ, вводящий семантику исследуемой МК для всего текста (или его фрагмента), вместе с маркером завершения операции припоминания (выраженного вербально и невербально – с помощью многоточия и сплошного пробела в сочетании со сплошной линией – или имплицитного) образуют **модусную рамку** «воспоминание». Анализ текстов (или текстовых фрагментов) различной протяженности позволил выявить ее инвариант.

В текстовом фрагменте реализуется инвариант модусной рамки «воспоминание», если в нем, помимо модусного ключа и маркера завершения припоминания, есть другие показатели исследуемой МК (ядерные или периферийные) и они находятся между собой в отношениях семантического согласования. Поддерживая уже заявленную модусным ключом семантику «воспоминание», они способны организовывать текстовое пространство, обеспечивая, его формальную и семантическую связность, а иногда целостность.

При реализации данного инварианта возможны разные его варианты: может быть незамещенной позиция или модусного ключа, или других показателей исследуемой модусной категории, или показателя выхода из рамки, что влияет на композицию текста (текстового фрагмента).

1. Модусный ключ может эксплицировать такую композицию художественного текста, как «рассказ в рассказе». В этом случае воспоминания Говорящего составляют содержание всего произведения (например, М. Арцыбашев «Ревность», Л. Толстой «После бала», И. Тургенев «Ася» и др.), а модусный ключ выступает в качестве непосредственного начала извлекаемой из памяти истории. Семантику «воспоминание» могут подкреплять показатели исследуемой МК, обеспечивая формальную и семантическую связность текста, но выход из воспоминания оформлен не всегда.

2. Модусный ключ «воспоминание», скрепляя разные по протяженности следующие друг за другом текстовые фрагменты-воспоминания, каждый из которых вводится своим модусным ключом, обуславливает радиальную композицию текстового фрагмента или всего текста в целом (например, В. Астафьев «Обертон», Ф. Искандер «Путь из варяг в греки» и др.). Показатели исследуемой МК не только задают модусное значение, но и обеспечивают связность и целостность художественного текста.

3. При отсутствии модусного ключа многочисленные показатели модусной категории «воспоминание», пронизывая текст, способны создавать каркас, на котором держится повествование или эмоциональная тональность лирического текста (например, И. Бунин «Жизнь Арсеньева», Ф. Достоевский «Кроткая» и др.). Такой прием «нагнетания» показателей исследуемой МК выполняет прагматическую (актуализации семантики «воспоминание» и / или оценки силы воспоминаний) и текстообразующую (обеспечение связности и целостности текста или текстового фрагмента) функции.

4. Свообразную композицию представляют расположенные линейно (но при этом не всегда сохраняющие хронологическую последовательность) фрагменты-воспоминания, введенные каждый своим модусным ключом (например, В. Кондратьев «Одна жизнь», Г. Газданов «Вечер у Клэр» и др.). Не имеющие общего модусного ключа, они не только создают развернутую «мозаику» прошлого опыта Говорящего, но и обеспечивают семантическую связность и целостность художественного текста. В этом случае воспоминания Говорящего предьявляются произвольно, без учета хронологии, а формальная и семантическая связность и целостность текста сохраняются при помощи жесткой структуры, заданной показателями исследуемой МК, которые также могут выполнять функцию анафоры. Нередко фрагменты-воспоминания нанизываются на единый стержень повествования, воссоздавая таким образом единую картину прошлого.

Как видим, текстоцентрический подход к показателям МК «воспоминание» позволил выявить их текстообразующие функции. Показатели МК не только обеспечивают формальную и семантическую связность текста (или его фрагмента), но и влияют на его композиционный рисунок, обуславливая разные типы композиции.

Выявленный инвариант организации модусной рамки «воспоминание» по-разному реализуется в авторских вариантах организации текста-воспоминания, включенного в целостный текст произведения. Предпочтения в выборе способов реализации данного инварианта зависят от индивидуальной авторской манеры, что показывает сопоставительный анализ художественных текстов Д. Рубиной и Е. Гришковца.

Обращение к прозе названных авторов неслучаен: герои произведений Д. Рубиной и Е. Гришковца активно обращаются к воспоминаниям, часто составляющим содержательную основу текста. Несмотря на некоторую общность в предьявлении извлеченной из памяти информации, реализация семантики МК «воспоминание» в текстах современных прозаиков осуществляется по-разному. Иначе говоря, на фоне

общего наиболее выпуклы существенные различия в употреблении модусной рамки «воспоминание».

Содержание воспоминаний героев Д. Рубиной составляют прежде всего собственные мысли, эмоции, связанные с событиями прошлого, а также восприятие сопутствующих им деталей (цвет, запах, тактильные ощущения). Фактологическая информация как таковая не является для Говорящего первостепенной.

Персонажи произведений Е. Гришковца обращаются именно к фактам, которые вплетены в ткань повествования и выполняют роль аргументов, подтверждающих то или иное **суждение** Говорящего о себе, о жизни, о людях, либо служат материалом, на основе которого делаются важные для него выводы.

В текстах и Д. Рубиной, и Е. Гришковца, несмотря на отмеченные различия в содержательных предпочтениях извлеченной из памяти информации, воспоминания для Говорящего важны не сами по себе: они помогают герою вернуться к испытанным ранее чувствам и пережить их еще раз (Д. Рубина) или приблизиться к ответу на значимые для него вопросы о мире и о себе (Е. Гришковец).

Наиболее часто в произведениях обоих авторов семантику «воспоминание» имплицитно выражает темпоральный ключ, выраженный наречиями с временной семантикой (*однажды, тогда, позже, когда-то, недавно, всегда*) и другими лексическими показателями с семой 'времени' (*первый, в юности, лет десять назад* др.). Авторской особенностью текстов Е. Гришковца является то, что часто в роли темпорального ключа выступает придаточная часть сложноподчиненного предложения. Д. Рубина же нередко семантику «воспоминание» задает разнообразными неспециализированными лексическими показателями, чаще всего – развернутыми метафорами. Примечательно, что в художественных текстах обоих прозаиков наименее востребован модусный ключ «воспоминание», выраженный специализированными показателями – глаголом *помнить* и его дериватами.

Модусный ключ, вводящий семантику исследуемой МК, в произведениях Д. Рубиной, как правило, выражает аксиологическую оценку припоминаемого, обозначает степень точности (обычно высокую) восстановленной в памяти информации. Герои же Е. Гришковца, предъявляя извлеченную из памяти информацию, сдержанны, а степень достоверности предъявляемой информации обычно не маркируется. Такое различие вполне объясняется содержанием воспоминаний персонажей обоих авторов.

В художественных текстах Д. Рубиной сочетание модусного ключа (чаще всего выраженного метафорами *картинки, эпизоды жизни, мгновения жизни*, и развернутыми метафорами) с другими показателями МК «воспоминание» выполняет функцию актуализации воспоминаний Говорящего и наиболее востребован радиальный тип композиции. Подобная композиция предоставляет потенциальную возможность бесконечного расширения текстового пространства, позволяет предъявлять воспоминания без сохранения хронологической последовательности событий, и при этом обеспечивается смысловая связность и целостность текста.

Напротив, радиальное построение текста-воспоминания в прозе Е. Гришковца встречается не столь часто. Особенность его текстов заключается в том, что функцию модусного ключа может выполнять заголовок цикла рассказов («Следы на мне») и наиболее часто воспоминания Говорящего вводятся в ткань произведения модусной рамкой «воспоминание», которая в целом соответствует инварианту: семантика исследуемой МК задается модусным ключом для всего текстового фрагмента и поддерживается показателями МК «воспоминание», выход из воспоминания обычно выражен вербально. Такое предпочтение объясняется ролью, которую автор отводит воспоминаниям: извлеченная из памяти информация тесно вплетена в размышления Говорящего и служит как иллюстрация его умозаключений или как попытка осмыслить какой-либо важный для него вопрос.

В **заключении** подведены итоги исследования (кратко дана характеристика МК «воспоминание», областей и характера взаимодействия МК, показан модус-потенциал исследуемой МК в художественном тексте и сопоставлены способы репрезентации семантики «воспоминание» в художественной прозе Д. Рубиной и Е. Гришковца), а также обобщены выводы по главам и намечены перспективы работы.

Публикации автора по теме диссертационного исследования

Статьи в изданиях, рекомендованных ВАК:

1) Модус “воспоминание”: статус и взаимодействие с другими модусными категориями (на материале рассказов Е. Гришковца) // Филология и человек. – 2013. – № 2. – С. 139–144.

2) Вводные элементы с семантикой «воспоминание»: семантико-функциональный и динамический аспекты // Вестн. Новосибирского гос. ун-та. Сер.: История, филология. – Новосибирск. – 2014. – Т. 13. Вып. 9. Филология. – С. 62–66.

3) О взаимодействии модуса «воспоминание» и ментального модуса // Сибирский филологический журнал. – 2016. – № 4. – С. 241–247.

Статьи в других научных изданиях:

4) О взаимодействии субъективных смыслов «воспоминание» и «восприятие» (на материале современной художественной прозы) // Проблемы интерпретационной лингвистики: типы восприятия и их языковое воплощение: сб. науч. тр. / под ред. И. П. Матхановой. – Новосибирск, 2013. – С. 150–156.

5) Место модуса «воспоминание» в системе модусных категорий (на материале современной художественной прозы) // Русский язык: исторические судьбы и современность: мат-лы V Международн. конгресса исследователей русского языка / сост. М. Л. Ремнёва, А. А. Поликарпов, О. В. Кукушкина. – М., 2014. – С. 380–381.

6) О синкретизме семантики показателей модуса “воспоминание” // Молодая филология–2015: сб. науч. тр. / под ред. О. А. Маркасовой. – Новосибирск, 2016. – С. 63–69.

7) Языковые средства выражения модуса «воспоминание» в традиционной и современной лексикографии // Слово. Словарь. Словесность: Динамические процессы

в языке, речи и словаре (к 50-летию издания академического «Словаря современного русского литературного языка»): мат-лы Всероссийск. науч. конф. / под ред. В. Д. Черняк. – СПб.: Сага, 2015. – С. 97–101.